

СКУЛШУТИНГ: УБИЙСТВО И ПОСТГОМИЦИДНОЕ САМОУБИЙСТВО КАК ТРАНСГРЕССИВНЫЙ АКТ

Н.Д. Узлов, М.Н. Семенова

АНО «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования и профессионального обучения», г. Москва, Россия
ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»
Березниковский филиал, г. Березники Пермский край, Россия

SCHOOL SHOOTING: MURDER AND POST-HOMICIDAL SUICIDE AS A TRANSGRESSIVE ACT

N.D. Uzlov, M.N. Semenova

National Research Institute of Continuing Professional Education and Vocational Training, Moscow, Russia
Perm National Research Polytechnic University – Berezniki branch, Perm, Russia

Информация об авторах:

Узлов Николай Дмитриевич – кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 9116-9414; ORCID iD: 0000-0003-1942-6055; AuthorID: 635224). Место работы и должность: преподаватель АНО «Национальный исследовательский институт дополнительного профессионального образования и профессионального обучения». Адрес: Россия, 117556, г. Москва, Черноморский бульвар, 4-3. Телефон: +7 (495) 150-17-11, электронный адрес: knots51@mail.ru

Семенова Марина Николаевна – кандидат психологических наук (SPIN-код: 5646-3069; ORCID iD: 0000-0002-1168-0430; AuthorID: 742603). Место работы и должность: доцент кафедры общенаучных дисциплин ФГАОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет» Березниковский филиал. Адрес: Россия, 618404, Пермский край, г. Березники, ул. Тельмана, 7. Телефон: +7 (3424) 26-80-39, электронный адрес: semenova_rus@mail.ru

Information about the authors:

Uzlov Nikolai Dmitrievich – MD, PhD (SPIN-code: 9116-9414; ORCID iD: 0000-0003-1942-6055; AuthorID: 635224). Place of work and position: teacher of distance learning, National Research Institute of Additional Professional Education and Vocational Training. Address: Russia, 117556, Moscow, Chernomorsky Boulevard, 4-3. Phone: +7 (495) 150-17-11, email: knots51@mail.ru

Semenova Marina Nikolaevna – Candidate of Psychological Sciences (SPIN-code: 5646-3069; ORCID iD: 0000-0002-1168-0430; AuthorID: 742603). Place of work: Associate Professor of the Department “Scientific Disciplines” Perm National Research Polytechnic University Berezniki branch. Address: Russia, 618404, Perm Krai, Berezniki, Telman str., 7. Phone: +7 (3424) 26-80-39, email: semenova_rus@mail.ru

В статье предпринята попытка осмысления явления скулшутинга — вооружённых нападений учащихся на образовательные учреждения через феномен трансгрессии — одного из ключевых понятий в философии постмодернизма. Показано, что убийство трансгрессивно по своей сущности и многообразию его форм. Скулшутинг представляется деструктивным вариантом трансгрессивного акта (в трактовке Жоржа Батая) как агрессивный выход за пределы морально-нравственных, правовых и религиозных границ. Анализируется конструкт Предела (шестая заповедь Декалога «не убий») как трактовка особого ценностно-смыслового образования. Поведение шутеров рассматривается через призму злокачественного нарциссизма. В качестве иллюстраций его проявления проводится содержательный анализ высказываний массовых убийц, изложенных ими в так называемых «манифестах» в форме спекулятивных ложно-философских идей «равенства с Богом» и «смерти Бога», в качестве обоснования своих преступных намерений. Дается трактовка постгомицидных самоубийств скулшутеров с позиций постмодернистского дискурса о смерти. Подчеркивается символический и коммуникативный характер акта совершенного насилия и суицида, требующего прочтения как текста. Указывается на необходимость формирования соответствующих внутренних барьеров к Пределу, не допускающих потенциальной возможности совершения убийств — как одно из главных условий превенции таких преступлений.

Ключевые слова: скулшутинг, убийство, постгомицидное самоубийство, трансгрессия, Предел, Другой, нарциссизм, превенция

В 1977 году Стивен Кинг написал роман «Ярость» об американском школьном подростке-стрелке, убившем двух учителей и взявшем заложниками целый класс [1]. Поступок главного героя Чарли

In 1977, Stephen King wrote the novel *Fury* about an American school shooter who killed two teachers and took an entire class hostage [1]. The act of the protagonist Charlie Decker inspired the massacre of his fol-

Декера вдохновил на массовое убийство других его последователей. Было установлено, что, по крайней мере, для пяти юных расстрельщиков эта книга стала, если не настольным руководством, но любимым чтением [2]. Нельзя сказать, что С. Кинг открыл своей книгой своеобразный Ящик Пандоры, потому что подобные преступления в США происходили и раньше, и настоящий бум на такие события произошёл в связи с повсеместным внедрением Интернета.

В 1999 году мир потрясло очередное массовое убийство. Двое американских подростков совершили вооружённое нападение на школу «Колумбайн» (г. Лиллтон, штат Колорадо). Было убито 13 и ранено 23 человека. Это трагедия получила большую огласку в СМИ и Интернете. Её освещали несколько сотен репортеров, два десятка съёмочных групп из разных стран, многочисленные фотографы и художники [3]. Результатом такой огласки стал так называемый «колумбайн-эффект» – массовая волна подражающих инцидентов. С того времени школьных убийц стали называть «колумбайнерами», а вооружённые нападения на учебные учреждения – скулшутингом (от англ. school shooting – «школьная стрельба»).

Проблема массовых нападений на учебные заведения с целью совершения убийств резко обострилась в конце XX – начале XXI века. Так, согласно американской статистике, с 2000 по 2015 год было зарегистрировано 149 эпизодов с 192 смертельными исходами, в то время как за весь XX век было совершено 165 таких преступлений, в результате которых погибло 219 человек. [4]. Скулшутинг нашёл своих последователей в Канаде, Германии, Великобритании, Финляндии, Австралии, ЮАР, Южной Америке, Китае, Индии, Казахстане и других странах [4, 5].

В последнее время и в России прокатилась волна вооружённых нападений учащихся на учебные заведения с использованием огнестрельного оружия. Первое такое преступление произошло 3 февраля 2014 г. в московской школе № 263. Самые резонансные преступления последних лет с большим количеством жертв произошли в г. Керчи (17 октября 2018 г., политехнический колледж), г. Казани (11 мая 2021 г., гимназия № 175), г. Перми (20 сентября 2021 г., ПГНИУ). В настоящее время в стране зафиксировано уже свыше двух десятков случаев нападения на учебные заведения с применением холодного, огнестрельного оружия и коктейлей Молотова. Число подростков, состоящих в сообществах «колумбайна» и «шутинга» в социальных сетях, постоянно растёт. В 2020 г. их число в России превысило 70 тысяч человек [6].

It was verified that this book became a favorite reading, if not a desktop guide, for at least five young shooters [2]. It cannot be said that S. King opened up a kind of Pandora's Box with his book, because similar crimes have occurred in the United States before, and a real boom in such events occurred due to the widespread use of the Internet.

In 1999, another mass murder shocked the world. Two American teenagers committed an armed attack on the Columbine School (Lillton, Colorado). 13 people were killed and 23 were wounded. This tragedy received a lot of publicity in the media and the Internet. It was covered by several hundred reporters, two dozen film crews from different countries, numerous photographers and artists [3]. The result of this publicity was the so-called "columbine effect" – a massive wave of imitative incidents. Since that time, school killers have been called "columbiners", and armed attacks on educational institutions – school shooting.

The problem of mass attacks on educational institutions with the aim of committing murders sharply escalated in the late 20th and early 21st centuries. Thus, according to American statistics, from 2000 to 2015, 149 episodes with 192 deaths were recorded, while over the entire twentieth century only 165 such crimes were committed, as a result of which 219 people died. [4]. Schoolshooting has found its followers in Canada, Germany, Great Britain, Finland, Australia, South Africa, South America, China, India, Kazakhstan and other countries [4, 5].

Recently, a wave of armed attacks by students of educational institutions with the use of firearms has swept through Russia. The first such crime occurred on February 3, 2014 in Moscow school No. 263. The most resonant crimes of recent years with a large number of victims occurred in the city of Kerch (October 17, 2018, Polytechnic College), Kazan (11 May 2021, gymnasium No. 175), Perm (September 20, 2021, Perm State National Research University). At present, more than two dozen cases of attacks on educational institutions with the use of cold steel, firearms and Molotov cocktails have already been recorded in the country. The number of teenagers who are in the communities of "columbine" and "shooting" in social networks is constantly growing. In 2020, their number in the Russian Federation ex-

Исследователи, занимающиеся данной проблемой, приходят к выводу, что имеют дело с особым молодёжным криминальным феноменом, который не вписывается ни в одну из известных теорий, объясняющих поведение одиночных или серийных убийц, и что они отличаются от других сходных преступных действий с использованием огнестрельного оружия (бандитские разборки, захват школы террористами или другие убийства) [7, 8 и др.]. Более того, приходится признать, что в настоящее время не существует достаточно надёжных диагностических признаков для выявления будущих потенциальных шутеров, как и эффективных программ превенции подобных преступлений.

В контексте рассматриваемой здесь темы мы пытались понять, что представляет собой скулшутинг – не с отдельных его сторон (поверхностно-описательной, социально-психологической или психопатологической), а как одну из частных негативных сторон бытия, и раскрыть его экзистенциальный смысл.

На наш взгляд, ответы на эти вопросы способно дать обращение к понятийному аппарату философии постмодернизма (Батай Ж., Фуко М., Бодрийяр Ж., Лиотар Ж.Ф., Деррида Ж., Делез Ж., Гваттари Ф. и др.), которая в конце XX – начале XXI века пустила глубокие корни во все сферы общественной жизни – культуру и экономику, литературу и искусство, сексуальность и гендерные отношения, общественную мораль и легитимизацию насилия в СМИ и др.

Ключевым понятием постмодернистской философии является трансгрессия. Новейшая философская энциклопедия определяет трансгрессию как «эксцесс (избыток или недостаток сил), как особое состояние, приводящее к нарушению нормы, закона или правила. Трансгрессия – это пространство перехода от одного фиксированного состояния к другому, это граница перехода, скользящая черта, указывающая на возможность перехода» [9].

Появившееся в середине прошлого века понятие трансгрессии трансформировалось в очевидное явление века нынешнего. Мы становимся живыми свидетелями того, как социальные субъекты позволяют себе перешагивать через границы, непреложные для многих обычных людей, нарушать общепринятый ход событий, устоявшиеся нормы поведения и морали. В обществе не остается структурных ограничений. Трансгрессивные изменения наблюдаются во всех значимых сферах человеческой жизни, и в особенности в тех, в которых ранее наблюдались чётко

ceeded 70 thousand people [6].

Researchers dealing with this problem come to the conclusion that they are dealing with a special youth criminal phenomenon that does not fit into any of the known theories that explain the behavior of single or serial killers, and that they differ from other similar criminal acts using firearms. weapons (gang fights, seizure of a school by terrorists or other murders) [7, 8, etc.]. Moreover, we have to admit that at present there are not enough reliable diagnostic signs to identify future potential shooters, as well as effective programs for the prevention of such crimes.

In the context of the topic considered here, we tried to understand what school-shooting is – not from its individual sides (superficially descriptive, sociopsychological or psychopathological), but as one of the private negative sides of being, and to reveal its existential meaning.

In our opinion, the answers to these questions can be given by an appeal to the conceptual apparatus of the philosophy of postmodernism (Bataille J., Foucault M., Baudrillard J., Lyotard J.F., Derrida J., Deleuze J., Guattari F., etc.) , which at the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries took deep roots in all spheres of public life – culture and economics, literature and art, sexuality and gender relations, public morality and the legitimization of violence in the media, etc.

The key concept of postmodern philosophy is transgression. The newest philosophical encyclopedia defines transgression as “excess (excess or lack of strength), as a special state that leads to a violation of a norm, law or rule. Transgression is the space of transition from one fixed state to another, it is the boundary of the transition, a sliding line indicating the possibility of the transition” [9].

The concept of transgression, which appeared in the middle of the last century, has been transformed into an obvious phenomenon of the present century. We are becoming living witnesses of how social actors allow themselves to step over the boundaries that are immutable for many ordinary people, to violate the generally accepted course of events, established norms of behavior and morality. There are no structural restrictions left in society. Transgressive changes are observed in all

обозначенные границы допустимого – религия, семья, пол и гендер, национальная принадлежность, образование, медицина, наука и др. В фундаментальных для общества сферах отчётливо наблюдается влияние трансгрессивных процессов. Современные исследователи всё более склонны говорить о «трансгрессирующем обществе» [10, 11 и др.], в котором произошла очевидная смена ценностных ориентаций. В своей общей направленности трансгрессия служит идее постижения нового, неизведанного, позволяет исследовать процессы функционирования законов культуры в новых условиях (глобализации, транскультуральности, виртуализации и прочее).

Выделяют организованные и индивидуальные трансгрессивные практики. К первым относятся праздник, жертвоприношение, пиршество, игра, война. Трансгрессивный подход используется также при объяснении феноменов безумия, власти, анархии и революций. К индивидуальным проявлениям трансгрессии относятся эротизм, смех, трансгрессивный язык [11].

Убийство людей можно рассматривать как наиболее полное воплощение трансгрессии, в первую очередь, в силу многообразия его проявлений. Перечислим основные из них:

1. Убийство врагов на войне, которое может рассматриваться как геройство и подвиг.
2. Имитация уничтожения условного противника на военных учениях.
3. Массовые убийства на религиозной и этнической почве (человеческие жертвоприношения; преступления Святой Инквизиции, геноцид, Холокост и др.).
4. Политические убийства.
5. Терроризм.
6. Убийство как профессия (снайпер, сотрудник спецслужб, наёмный убийца и др.).
7. Убийство как игра (уличные детские игры в «войнушку», пионерская игра «Зарница», пейнтбол и др.).
8. Убийство как сюжет в масс-медиа (художественная литература, кино, ТВ, Интернет).
9. Убийство в виртуальной реальности (компьютерные и сетевые игры-шутинги) и др.
10. И, наконец, убийство как тяжкое уголовное преступление (ст. 105 УК РФ).

Насилие в различных его формах активно позиционируется кинематографом и СМИ как одна из приемлемых форм поведения людей. Убийство, табуированное в Декалоге (заповедь «не убий») как

significant spheres of human life, and especially in those in which there were previously clearly defined boundaries of what is permissible – religion, family, sex and gender, nationality, education, medicine, science, etc. In the fundamental for society spheres, the influence of transgressive processes is clearly observed. Modern researchers are more and more inclined to speak of a “transgressive society” [10, 11, etc.], in which an obvious change in value orientations has taken place. In its general orientation, transgression serves the idea of comprehending the new, the unknown, and allows us to explore the processes of functioning of the laws of culture in new conditions (globalization, transculturality, virtualization, etc.).

There are organized and individual transgressive practices. The first include a holiday, sacrifice, feast, game, war. The transgressive approach is also used to explain the phenomena of madness, power, anarchy and revolution. Individual manifestations of transgression include eroticism, laughter, and transgressive language [11].

The killing of people can be regarded as the most complete embodiment of transgression, primarily due to the variety of its manifestations. We list the main ones:

1. Killing enemies in a war, which can be regarded as heroism and a feat.
2. Imitation of the destruction of a mock enemy in military exercises.
3. Mass murders on religious and ethnic grounds (human sacrifices; crimes of the Holy Inquisition, genocide, the Holocaust, etc.).
4. Political assassinations.
5. Terrorism.
6. Murder as a profession (sniper, intelligence officer, contract killer, etc.).
7. Murder as a game (street children's war games, the pioneer game Zarnitsa, paintball, etc.).
8. Murder as a plot in mass media (fiction, cinema, TV, Internet).
9. Murder in virtual reality (computer and network shooting games), etc.
10. And, finally, murder as a serious criminal offense (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Violence in its various forms is actively positioned by cinema and the media as one of the acceptable forms of human behavior. Murder, tabooed in the Decalogue (the commandment “Thou shalt not kill”) as the most

самый страшный физический акт, всё более виртуализируется и многократно тиражируется, становится привлекательным брендом. Слова «убийство» и «смерть» наиболее часто произносятся на телевидении и в кино, а масс-медиа нередко провоцируют подростков на сулшутинг [12].

Трансгрессия как акт тесно связана с Пределом. Философская энциклопедия называет Пределом «то, что ограничивает беспредельную активность трансгрессивных состояний» [9]. Трансгрессия и Предел находятся в постоянном противоборстве. Трансгрессия утверждает Предел, отрицая его, и этим позитивным утверждающим отрицанием она прокладывает себе путь. Как только трансгрессивное состояние теряет свою мощь и начинает ослабевать, на её месте утверждается запрет, то есть возникает новый Предел.

Предел – это некая граница, которая разделяет природные либо культурные пространства, пересекать которую нелегитимно, табуировано и опасно. Например, вооружённое вторжение на территорию сопредельного государства можно рассматривать как организованный трансгрессивный акт. А переход на военное положение обеих сторон военного конфликта формирует ситуацию жизни на «пределе» («по законам военного времени»). Такая жизнь, по образному выражению М. Фуко, отличается «плотностью своего бытия» [13], то есть напряжённостью, высокой степенью неопределённости, непредсказуемости, смертельными рисками и т.д.

В культуре Предел – это некий канон, но именно здесь границы допустимого и возможного более подвижны. Это можно проиллюстрировать на примере истории живописи: от академизма к импрессионизму и абстракционизму, далее к поп-арту и другим новым течениям.

В нашем исследовании мы рассматриваем Предел как особое ценностно-смысловое образование и обозначаем его с заглавной буквы. Предел определяет способы бытия человека, позволяющими ему жить в относительном согласии с другими людьми и самим собой, символизирует свод моральных и нравственных норм, правил, а также законов, которые нельзя нарушать или преступать. Очевидно, что в первооснове этих запретов лежит религиозное сознание, когда убийство (отнятие жизни у другого человека) и самоубийство (самовольный уход из жизни) считаются одними из самых тяжёлых грехов (шестая заповедь Декалога «Не убий»).

Трансгрессия разрешает убийство в различных формах, описанных выше, но затормаживает своё

terrible physical act, is increasingly virtualized and replicated many times, becoming an attractive brand. The words "murder" and "death" are most often used on television and in films, and the mass media often provoke teenagers to school shooting [12].

Transgression as an act is closely connected with the Limit. The Philosophical Encyclopedia calls the Limit as "what limits the limitless activity of transgressive states" [9]. Transgression and the Limit are in constant confrontation. Transgression affirms the Limit by denying it, and by this positive affirmative negation it makes its way. As soon as the transgressive state loses its power and begins to weaken, a prohibition is asserted in its place, that is, a new Limit arises.

The limit is a certain border that separates natural or cultural spaces, crossing which is illegitimate, taboo and dangerous. For example, an armed invasion of the territory of a neighboring state can be considered as an organized transgressive act. And the transition to martial law on both sides of the military conflict forms the situation of life on the "limit" ("according to the laws of wartime"). Such a life, according to the figurative expression of M. Foucault, is distinguished by "the density of its being" [13], that is, tension, a high degree of uncertainty, unpredictability, mortal risks, etc.

In culture, the Limit is a kind of canon, but it is here that the boundaries of the permissible and the possible are more mobile. This can be illustrated by the example of the history of painting: from academicism to impressionism and abstractionism, then to pop art and other newfangled trends.

In our study, we consider the Limit as a special value-semantic formation and designate it with a capital letter. The limit defines the ways of being a person, allowing him to live in relative harmony with other people and himself, symbolizes a set of moral and moral norms, rules, as well as laws that cannot be violated or transgressed. Obviously, these prohibitions are based on religious consciousness, when murder (taking the life of another person) and suicide (unauthorized death) are considered one of the most serious sins (the sixth commandment of the Decalogue "Thou shalt not kill").

Transgression allows murder in the various forms described above but delays its progress when it encounters a God-imposed taboo. But from the standpoint of postmod-

движение, встречаясь с табу, наложенным Богом. Но с позиций постмодернистской философии преодоление этого барьера также возможно, если такую помеху, как Бог (в широком смысле как морально-нравственные начала в человеке) устранить.

Обоснование этому мы находим в концепции «трансгрессивного опыта», разработанной Жоржем Батаем. В его модели преодолеть Предел возможно, но в крайнем, экстремальном варианте. Такой опыт является саморазрушительным и даже убийственным. Философ эстетизирует хаос, низводит, благодаря трансгрессии, субъекта до состояния полного отрицания меры, каких-то границ, морально - нравственных самоограничений. Трансгрессивный опыт, по его мнению, приобретает благодаря неумеренности, вседозволенности, в первую очередь сексуальной. Ж. Батай идёт ещё дальше: он постулирует идею саморасточительства, при этом наивысшим саморасточительством является принесение себя в жертву. И здесь не важен результат, важен сам процесс, когда человек помещает себя в «область предсмертия» [14].

Ж. Батай смещает акценты в привычном для христианского мира понимании добра и зла и превращает трансгрессию в сакральный акт и как необходимое условие для самореализации. «Если у человека есть мужество, необходимое для нарушения границ, – писал Ж. Батай, – можно считать, что он состоялся» [15]. Даже убийство, как нарушение запрета, становится для него сакральным, поскольку желание убивать по его утверждению присуще каждому человеческому индивиду.

В философии постмодерна метафора смерти Бога пустила глубокие корни (Батай Ж., Фуко М., Бланшо М., Деррида Ж. и др.). М. Фуко писал: «смерть Бога обращает нас не к ограниченному и позитивному миру, она обращает нас к тому миру, что распускает себя в опыте предела, делает себя и разделяется с собой в акте эксцесса, излишества, злоупотребления, преодолевающих этот предел, переступающих через него, нарушающих его – в акте трансгрессии [13].

Каким образом эти идеи находят отражение в действиях скулшутеров?

На наш взгляд, здесь можно выделить как минимум два варианта-анalogии:

1. Когда подросток, решившись совершить массовый расстрел, ощущает себя «существом, равным Богу», достойному и способному творить высший суд над людьми. Такие записи можно найти в днев-

ern philosophy, overcoming this barrier is also possible if such an obstacle as God (in the broad sense as the moral principles in a person) is eliminated.

We find the rationale for this in the concept of "transgressive experience" developed by Georges Bataille. In his model, it is possible to overcome the Limit, but in an extreme, extreme variant. Such an experience is self-destructive and even fatal. The philosopher aestheticizes chaos, reduces, thanks to transgression, the subject to a state of complete denial of measure, some kind of boundaries, moral self-restraints. Transgressive experience, in his opinion, is acquired through immoderation, permissiveness, primarily sexual. J. Bataille goes even further: he postulates the idea of self-squandering, while the highest self-squandering is self-sacrifice. And here the result is not important, the process itself is important, when a person places himself in the "pre-death area" [14].

J. Bataille shifts the emphasis in the understanding of good and evil that is familiar to the Christian world and turns transgression into a sacred act and as a necessary condition for self-realization. "If a person has the courage necessary to violate the boundaries," J. Bataille wrote, "we can assume that he has taken place" [15]. Even murder, as a violation of the prohibition, becomes sacred for him, since the desire to kill, according to him, is inherent in every human individual.

In the philosophy of postmodernity, the metaphor of the death of God has taken deep roots (Bataille J., Foucault M., Blanchot M., Derrida J. and others). M. Foucault wrote: "the death of God does not turn us to a limited and positive world, it turns us to that world that dissolves itself in the experience of the limit, makes itself and does away with itself in an act of excess, excess, maliciously consumption, overcoming this limit, stepping over it, violating it - in an act of transgression [13].

How are these ideas reflected in the actions of school shooters? In our opinion, there are at least two options-analogues:

1. When a teenager, having decided to commit a mass execution, feels like a "being equal to God", worthy and able to create the highest court over people. Such entries can be found in the diaries of the "Columbiner killers" Klebold and Harris [16]. This can also be seen from the protocols of the

никах «колумбайнеровских убийц» Клиболда и Харриса [16]. Это видно и из протоколов допроса казанского стрелка Г., осознавшего себя богом: «Я замкнутый одинокий человек. Я бог. Все остальные – мои рабы и считаются «биомусором». Все они должны делать, что я захочу, а я хочу, чтобы именно каждый из моих рабов убил более десяти человек и сам себя убил» [17].

С психиатрической точки зрения такие заявления можно трактовать как проявление параноидной симптоматики, бредовых идей величия, что может служить основанием для диагностики расстройств психотического спектра, а также сомнений о вменяемости преступника. Между тем эта идея равенства с Богом (я – бог, вы «рабы божьи», находящиеся у меня в подчинении, с которыми я вправе делать всё, что угодно и даже убить), пусть даже обрамлённая в психотическую форму, в больном сознании скулшутера приобретает особый «сакральный» смысл.

2. Другой способ преодоления морально - нравственного Предела – это отрицание Бога, его жесткое и циничное преодоление в сознании, констатация его смерти. Бог умер, следовательно, исчезла последняя помеха, чтобы чего-то бояться, и можно творить Зло прагматично и рационально, подпитываясь какой-нибудь идеей ненависти (расовой, этнической, экологической, гендерной и др.) или мизантропии, как, например, норвежский террорист Брейвик, в 2011 г. расстрелявший 150 человек в молодёжном лагере на острове Утойя, из которых 77 человек погибли.

Вот что писал в своем «манифесте» Аувинен, 17-летний финский подросток, который он разместил незадолго до нападения на школу на портале YouTube: «Религиозные люди, ваши боги – есть ничто, и они существуют только в вашем воображении. Ваши рабские моральные устои ничего не значат для меня. Я – и бог, и дьявол своей собственной жизни»; «Я – циничный экзистенциалист, античеловечный гуманист, антиобщественный социальный дарвинист, прагматичный идеалист и богоподобный атеист» «Я есть закон, судья и палач. Нет большей власти, чем я сам» [18].

Разумеется, мы отдаём себе отчет, что подобные заявления скулшутеров лишены какого-либо глубокого философского смысла, и их нельзя принимать всерьёз. Скорее всего, они являются продуктом стихийной кристаллизации вульгарных атеистических стереотипов и культурных штампов, сформировавшихся в незрелом сознании молодых людей под влиянием массовой культуры, образов «величия» наси-

interrogation of the Kazan shooter G., who realized himself as a god: “I am a closed, lonely person. I'm God. All the rest are my slaves and are considered "bio-garbage". All of them must do what I want, and I want each of my slaves to kill more than ten people and kill himself” [17].

From a psychiatric point of view, such statements can be interpreted as a manifestation of paranoid symptoms, delusional ideas of grandeur, which can serve as a basis for diagnosing schizophrenia spectrum disorders, as well as doubts about the criminal's sanity. Meanwhile, this idea of equality with God (I am God, you are “God's servants” who are subordinate to me, with whom I have the right to do whatever I want and even kill), even if framed in a psychotic form, in a sick mind school shooter takes on a special "sacred" meaning.

2. Another way to overcome the moral limit is the denial of God, his harsh and cynical overcoming in the mind, the statement of his death. God is dead, therefore, the last obstacle to be afraid of something has disappeared, and you can do Evil pragmatically and rationally, fueled by some idea of hatred (racial, ethnic, environmental, gender, etc.) or misanthropy, as, for example, the Norwegian terrorist Breivik, who in 2011 shot 150 people in a youth camp on the island of Utoya, of which 77 people died.

Here is what Auvinen, a 17-year-old Finnish teenager, wrote in his “manifesto”, which he posted shortly before the attack on the school on YouTube: “Religious people, your gods are nothing, and they exist only in your imagination. Your slave morals mean nothing to me. I am both the god and the devil of my own life”; “I am a cynical existentialist, an anti-human humanist, an anti-social social Darwinist, a pragmatic idealist, and a godlike atheist.” “I am the law, the judge, and the executioner. There is no greater power than myself” [18].

Of course, we are aware that such statements by school shooters are devoid of any deep philosophical meaning, and they cannot be taken seriously. Most likely, they are the product of spontaneous crystallization of vulgar atheistic stereotypes and cultural clichés formed in the immature minds of young people under the influence of mass culture, images of the "greatness" of violence and cruelty, drawn from cult films and computer games, passion for mysticism, specific

лия и жестокости, почерпнутых из культовых фильмов и компьютерных игр, увлечения мистикой, специфических музыкальных пристрастий, влияния сетевого окружения и проч. Их знаки Бога – не жизненная философия, а всего лишь грязные слова на заборе, когда «бог» и «биомусор» расцениваются как противоположности [19].

В этом смысле можно согласиться с мнением Ю.М. Антоняна, который пишет, что таким образом убийца пытается «преодолеть свою ничтожность и малость, осознание которых весьма травматично, а поэтому изгоняются в бессознательное; это – желание утвердить себя, в том числе в собственных глазах, преодолеть свою изоляцию и доказать свою нужность» [20].

Оба этих варианта поведения скулшутеров указывают на одну из базовых черт личности убийц – нарциссизм. Эрих Фромм, рассуждая о нарциссизме, пишет: «Нарциссизм является пристрастием такой интенсивности, которая у многих людей сравнима с половым инстинктом и инстинктом самосохранения. Иногда он проявляется даже сильнее, чем оба эти инстинкта» [21]. Ядром нарциссизма является чувство «грандиозности Я».

В психоаналитической литературе описано четыре способа взаимодействия разных форм «грандиозного Я» с Другим (в этой роли может выступать психотерапевт, окружение нарцисса или мир в целом). «Богородно-грандиозное Я» выполняет функцию отторжения, неприятия Другого; «агрессивно-грандиозное Я» направлено на разрушение Другого. Две остальных формы носят менее деструктивный характер: «альтруистически-грандиозное Я» и «необыкновенно-грандиозное Я» выполняют функции поддержки или внушение восхищения Другому своей личностью, которые по сути являются проявлением тонкой и изощренной манипуляции.

Нарцисс уязвим: его «всемогущество» гиперкомпенсирует болезненно переживаемое чувство неполноценности, иногда «инаковости» – психопатологические отклонения (при начальных проявлениях расстройств шизофренического спектра у скулшутеров). Самый пугающий для него опыт – унижение, пугающая эмоция – стыд [22]. Нарциссический субъект не только ощущает себя центром Вселенной, он и есть весь мир, он и есть всё, поэтому ничто не может внушить ему страх. «Но, если он чувствует, что его единственная защита против страха – самовозвеличение – находится под угрозой, страх появляется снова и приводит его в сильную

musical preferences, the influence of the network environment, and so on. Their signs of God are not a philosophy of life, but just dirty words on the fence, when “god” and “bio-garbage” are regarded as opposites [19].

In this sense, one can agree with the opinion of Yu.M. Antonyan, who writes that in this way the killer tries to “overcome his insignificance and smallness, the awareness of which is very traumatic, and therefore are expelled into the unconscious; it is a desire to assert oneself, including in one’s own eyes, to overcome one’s isolation and prove one’s need” [20].

Both of these behaviors of school shooters point to one of the basic personality traits of killers – narcissism. Erich Fromm, discussing narcissism, writes: “Narcissism is an addiction of such intensity that in many people is comparable to the sexual instinct and the instinct of self-preservation. Sometimes it manifests itself even stronger than both of these instincts” [21]. The core of narcissism is the feeling of “grandness of the self”.

Psychoanalytic literature describes four ways in which different forms of the “grand self” interact with the Other (this role can be played by the therapist, the environment of the narcissist, or the world at large). The “God-like grandiose Self” performs the function of rejection, rejection of the Other; the “aggressively grandiose I” is aimed at the destruction of the Other. The other two forms are of a less destructive nature: the “altruistically grandiose Self” and the “extraordinarily grandiose Self” perform the functions of supporting or inspiring admiration for the Other with one’s personality, which in essence are a manifestation of subtle and sophisticated manipulation.

The narcissist is vulnerable: his “omnipotence” hypercompensates for the painfully experienced feeling of inferiority, sometimes “otherness” - psychopathological deviations (with the initial manifestations of schizophrenia spectrum disorders in school shooters). The most frightening experience for him is humiliation, the frightening emotion is shame [22]. The narcissistic subject not only feels himself to be the center of the universe, he is the whole world, he is everything, so nothing can inspire fear in him. “But if he feels that his only defense against fear – self-aggrandizement – is threatened, the fear reappears and drives him into a vio-

ярость. Эта ярость будет проявляться интенсивнее, если для него не будет существовать возможности уменьшить опасность с помощью соответствующих ответных мер; только уничтожение критика или собственное уничтожение могут предохранить такого человека от потери его нарциссической безопасности», – пишет Э. Фромм [21].

Обратим внимание на эти два последних пункта, характерные и для мироощущения шутеров – «уничтожение критика» (то есть враждебного ему мира в целом, а не только конкретных обидчиков, в обобщённом виде – Другого) и «самоуничтожение» (суицид, но опять же грандиозный, расширенный, масштабный, запоминающийся участникам этих событий своим ужасом убийства других).

И здесь мы переходим к обсуждению другого важного аспекта скулшутинга. Речь идёт о том, что в зарубежных публикациях получило название «murder-suicide» [23, 24 и др.], то есть завершение убийственных действий в отношении других лиц собственным суицидом агрессора. В отечественной литературе аналогом этому понятию является термин «постгомицидное самоубийство (ПГСУ)». Наиболее полно проблема ПГСУ представлена в работах А.В.Голенкова [25, 26 и др.]. Считается, что самоубийство, совершённое после убийства, редко наблюдается в повседневной жизни. Однако при подростковом скулшутинге эта brutальная форма гетеро- и аутоагрессивного поведения представляет собой достаточно частый финал смертельных насильственных акций. По классификации, предложенной Р. Marzuk с соавт., этот вид ПГСУ относится к категории «внеfamilial» [27]. В специальной работе, посвящённой подростковому постгомицидному самоубийству, А.В. Голенковым анализируются два случая скулшутинга – массовые расстрелы в колледжах Керчи (17 октября 2018 г.) и Благовещенска (14 ноября 2019 г.). Указывается на подражательный «колумбайнеровский» характер преступлений, а также наличие суицидальных тенденций у стрелков, обнаруживаемых постфактум при расследовании данных инцидентов [26].

Представляет интерес подход к оценке ПГСУ (murder-suicide), предложенный Т. Joiner. Автор утверждает, что «подлинное» убийство - самоубийство – это в первую очередь не импульсивный или убийственный акт, а скорее последовательность первичных суицидальных намерений, которые приводят к извращению четырёх добродетелей: милосердия (Mercy), справедливости (Justice), долга (Duty) и сла-

lent rage. This rage will be more intense if there is no way for him to reduce the danger with appropriate responses; only the destruction of the critic or one's own destruction can protect such a person from losing his narcissistic security,” writes E. Fromm [21].

Let us pay attention to these last two points, which are also characteristic of the worldview of shooters – “destruction of the critic” (that is, the world hostile to him as a whole, and not just specific offenders, in a generalized form – the Other) and “self-destruction” (suicide, but again but grandiose, expanded, large-scale, remembered by the participants in these events for its horror of killing others).

And here we move on to discussing another important aspect of schoolshooting. We are talking about what foreign publications called “murder-suicide” [23, 24, etc.], that is, the completion of murderous actions against other persons by the aggressor's own suicide. In the domestic literature, an analogue of this concept is the term “post-homicidal suicide (PHSU)”. The problem of PHSU is most fully presented in the works of A.V. Golenkov [25, 26, etc.]. It is believed that suicide committed after a murder is rarely observed in everyday life. However, in adolescent school shooting, this brutal form of hetero- and auto-aggressive behavior is a rather frequent finale of deadly violent actions. According to the classification proposed by P. Marzuk et al., this type of PHSU belongs to the category of “out-of-family” [27]. In a special work devoted to teenage post-homicidal suicides, A.V. Golenkov analyzes two cases of schoolshooting – mass executions in the colleges of Kerch (October 17, 2018) and Blagoveshchensk (November 14, 2019). The imitative “Columbiner” nature of the crimes is pointed out, as well as the presence of suicidal tendencies in shooters, which are detected after the fact during the investigation of these incidents [26].

Of interest is the approach to assessing PHSU (murder-suicide) proposed by T. Joiner. The author argues that “genuine” murder-suicide is not primarily an impulsive or murderous act, but rather a sequence of primary suicidal intentions that lead to a perversion of the four virtues: mercy (Mercy), justice (Justice), duty (Duty) and glory (Heroic glory). He also identified two related but distinct categories, which include

вы (Heroic glory). Он также определил две взаимосвязанные, но различные категории, которые включают извращение самоконтроля и извращение судьбы [28]. А. Adhia и соавт., используя данную классификацию, проанализировали 47 ПГСУ-инцидентов в 32 американских штатах за период 2003–2016 гг. Исследование показало относительную частоту извращения правосудия и извращения самоконтроля в качестве мотивов, лежащих в основе совершения такого поведения подростками [29]. В сравнительном исследовании А.В. Голенкова показано, что при ПГСУ, совершённых в учебных заведениях, доминирующим фактором является извращение героической славы, хотя отчасти вместе с желанием прославиться присутствовали и мотивы ложной справедливости, с намерениями отомстить, наказать своих обидчиков [26].

Исследователи, занимающиеся проблемой школьных расстрелов, отмечают особую церемониальность, театральность и торжественность действий скулшутеров. J. Fast проанализировал 13 эпизодов и пришёл к выводу, что они напоминают древние ритуалы, где исполнитель играет роль бога перед тем, как его казнят или он совершит самоубийство [30].

Здесь можно провести аналогию с примерами из личной криминалистической практики общения с убийцами, о которых сообщает Ю.М. Антонян. Убийцы рассказывали ему, как они «в момент совершения преступления переносились в какой-то иной мир, в котором чувствовали себя другим человеком, могучим и повелевающим, которому доступно всё, то есть жили наиболее полной жизнью» [20].

На символический характер насилия также указывает финская исследовательница L. Malkki, которая особо подчёркивает: действия скулшутера должно быть прочитано как текст, оно имеет коммуникативную природу и реализует намерение нападающего сделать заявление, передать какое-то сообщение окружающим [31].

В этой связи, по-видимому, следует упомянуть одного из основоположников современной герменевтики Поля Рикёра, который писал: «смысл человеческого действия – это то, что адресовано неопределённому кругу потенциальных «читателей» <...> как и текст, человеческое действие является открытым поступком, и его смысл «пребывает в неопределённости» <...> Человеческое действие также открыто каждому, кто умеет читать. Как смысл события становится предметом его последующих толкований, так и интерпретация действия современниками оказывается не последней в этом процессе» [32].

perversion of self-control and perversion of fate [28]. A. Adhia et al., using this classification, analyzed 47 PHSU incidents in 32 US states for the period 2003–2016. The study showed the relative frequency of perversion of justice and perversion of self-control as motives underlying the commission of such behavior by adolescents. [29]. In a comparative study, A.V. Golenkov shows that in the case of PHSU committed in educational institutions, the dominant factor is the perversion of heroic glory, although partly, along with the desire to become famous, there were also motives of false justice, with intentions to take revenge and punish their offenders [26].

Researchers dealing with the problem of school shootings note the special ceremoniality, theatricality and solemnity of the actions of school shooters. J. Fast analyzed 13 such episodes and came to the conclusion that they resemble ancient rituals, where the performer plays the role of a god before he is executed or he commits suicide [30].

Here we can draw an analogy with examples from the personal forensic practice of communicating with murderers, reported by Yu.M. Antonyan. The killers told him how they “at the moment of committing the crime were transferred to some other world, in which they felt like a different person, powerful and commanding, to whom everything is available, that is, they lived the most complete life” [20].

The symbolic nature of violence is also indicated by the Finnish researcher Lina Malkki, who especially emphasizes that the action of a school shooter should be read as a text, it has a communicative nature and implements the intention of the attacker to make a statement, convey some kind of message to others [31].

In this regard, apparently, one of the founders of modern hermeneutics, Paul Ricoeur, should be mentioned, who wrote: “the meaning of human action is what is addressed to an indefinite circle of potential “readers” <...> like a text, human action is an open act, and its meaning “is in uncertainty” <...> Human action is also open to anyone who can read. Just as the meaning of an event becomes the subject of its subsequent interpretations, so the interpretation of the action by contemporaries is not the last in this process” [32].

Obviously, it is very important for spe-

Очевидно, что специалистам и всем заинтересованным лицам, задействованным в превенции таких преступлений, очень важно научиться «читать человека как книгу», то есть видеть в ней не только повествование, но и скрытый смысл и подтекст.

Продолжая обсуждать тему постгомицидного самоубийства, следует отметить, что существуют предположения о принципиальных различиях в поведении стрелков, которые намерены совершить суицид, и тех, кто предполагает остаться в живых. Имеют значение поведение преступников, оружие, которое они используют, жертвы, которых они убивают и места, на которые они нападают. Однако применительно к школьным расстрелам роль этих факторов требует более тщательного уточнения [33]. В абсолютном большинстве случаев нападавшие понимали, что их ждёт смерть. Поэтому они не пытались скрыться, изменить внешность и т.п. Довольно часто шутеры вступали в безрассудную перестрелку с полицией. Самоубийство руками полицейских (Suicide by cop) считается одной из характерных интенций школьных стрелков, что согласуется с одним из факторов – извращение героической славы по Т. Joiner.

Что может означать собственная смерть для скулушутера? Обратимся снова к категории смерти в постмодернистском дискурсе. Наиболее отчётливо этот подход разработан также Ж. Батаем, для которого смерти отводится место, традиционно занимаемое жизнью. Смерть – сокровенное, влекущее и пугающее: «смерть разверзается в непостижимую, непознаваемую непрерывность, где заключена тайна». Через смерть и разрушение объект переносится в сакральный мир имманентности [15]. Представляется, что именно в рамках трансгрессии становится достижим этот опыт, что практически невозможно с точки зрения социально допустимых практик для обыкновенного человека. Говоря более простыми словами, в акте смерти постигается и Бог, и смысл бытия.

Нечто подобное можно наблюдать с подростковыми «группами смерти» в социальных сетях. Совершая акт самоубийства, подросток-суицидент перестаёт существовать в своём физическом теле, но осуществляет переход в иной мир, который не является в полном смысле «небытием». Он ещё длительное время презентуется в виртуальном пространстве, так или иначе заявляя о себе. Таким способом, пройдя испытание конечностью существования и благодаря трансгрессивному переходу, создаётся иллюзия виртуального бессмертия [34].

К сожалению, это становится фактом, который

specialists and all interested parties involved in the prevention of such crimes to learn to “read a person like a book”, that is, to see in it not only a narrative, but also a hidden meaning and subtext.

Continuing to discuss the topic of post-homicidal suicide, it should be noted that there are assumptions about fundamental differences in the behavior of shooters who intend to commit suicide, and those who expect to stay alive. What matters is the behavior of the perpetrators, the weapons they use, the victims they kill and the places they attack. However, in relation to school shootings, the role of these factors requires more careful clarification [33]. In the vast majority of cases, the attackers understood that death awaited them. Therefore, they did not try to hide, change their appearance, etc. Quite often, shooters would get into a reckless shootout with the police. Suicide by cop is considered one of the characteristic intentions of school shooters, which is consistent with one of the factors – the perversion of heroic glory according to T. Joiner.

What can own death mean for a school shooter? Let us turn again to the category of death in postmodern discourse. This approach was most clearly developed by J. Bataille, for whom death is given the place traditionally occupied by life. Death is intimate, attracting and frightening: “death opens up into an incomprehensible, unknowable continuity, where the secret lies.” Through death and destruction, the object is transferred to the sacred world of immanence [15]. It seems that it is within the framework of transgression that this experience becomes achievable, which is practically impossible from the point of view of socially acceptable practices for an ordinary person. In simpler terms, in the act of death both God and the meaning of being are comprehended.

Something similar can be observed with teenage “groups of death” in social networks. Committing an act of suicide, a suicidal teenager ceases to exist in his physical body, but makes a transition to another world, which is not in the full sense of “non-existence”. It has been presented in the virtual space for a long time, one way or another declaring itself. In this way, having passed the test of the finiteness of existence and thanks to the transgressive transition, the illusion of virtual immortality is created [34].

нельзя не признать. Интернет способствует расширению, как суицидальной субкультуры, так и скулшутинга. Как справедливо заметил Дейв Каллен, автор известной книги, посвящённой трагедии в Колумбайне: «Повторяя имя убийцы, мы делаем из него звезду» [35].

Обратимся теперь к понятию Предела, который мы определили одним из ключевых в настоящем исследовании. Закономерно возникает вопрос: а что обещает людям, преодолевшим предел, постмодернистская философия? За границей предела, по мнению М. Фуко, находится пространство так называемой гетеротопии [36]. В физическом мире это могут быть новые природные территории (исторические примеры – открытие и освоение европейцами Америки, русскими – Сибири, Аляски, выход человека в космос и др.), а также специфические, закрытые области пребывания людей (психиатрические больницы, тюрьмы, лепрозории, кладбища и т.п.), при вхождении на которые происходит встреча с Другим (природой, людьми, иным миром в целом). Такая встреча неминуемо меняет образ жизни и мироощущение человека, перешедшего этот предел. Потенциально такой переход может сулить возможности достижения неограниченной свободы, власти, доступа к новым ранее неведомым ресурсам, либо, наоборот, приводит к ухудшению качества жизни, в случаях, например, вынужденного перехода (природные катастрофы, война, революция, распад государства и прочее).

Однако не всё обстоит так просто, когда речь идёт о духовном мире человека, когда он живёт «на пределе», а «плотность бытия», согласно М. Фуко, определяет жизненную перспективу. Мир скулшутера наполнен обидами и разочарованиями, испытываемыми в отношениях с родителями или одноклассниками, приводящие к социальной изоляции, или чувством ущербности. Такой подросток не умеет выстраивать партнерские отношения, отстаивать свои интересы; отсутствует включенность компенсаторных или гиперкомпенсаторных механизмов на уровне здоровых увлечений и интересов. Накапливается хроническое напряжение, которое постепенно нарастает и достигает своей остроты, когда последней каплей становится очередное реальное или воображаемое психотравмирующее событие, после чего наступает этап планирования и реализации преступного замысла. В научной литературе, объясняющей поведение скулшутеров, это нашло отражение в теории кумулятивного эффекта [37].

Происходит выбор в сторону деструктивного

Unfortunately, this is becoming a fact that cannot be denied. The Internet is fueling the expansion of both the suicidal subculture and school shooting. As Dave Cullen, author of the well-known book on the Columbine tragedy, rightly noted: “By repeating the name of the killer, we make him a star” [35].

Let us now turn to the concept of the Limit, which we have identified as one of the key ones in this study. The question naturally arises: what does postmodern philosophy promise to people who have overcome the limit? Beyond the limit, according to M. Foucault, is the space of the so-called heterotopy [36]. In the physical world, these can be new natural territories (historical examples are the discovery and development of America by Europeans, Russians – Siberia, Alaska, man's spacewalk, etc.), as well as specific, closed areas of people's stay (psychiatric hospitals, prisons, leper colonies, cemeteries, etc.), upon entering which one encounters the Other (nature, people, the other world as a whole). Such a meeting inevitably changes the way of life and attitude of a person who has crossed this limit. Potentially, such a transition can promise the possibility of achieving unlimited freedom, power, access to new previously unknown resources, or, conversely, leads to a deterioration in the quality of life, in cases, for example, a forced transition (natural disasters, war, revolution, collapse of the state etc).

However, not everything is so simple when it comes to the spiritual world of a person, when she lives “at the limit”, and the “density of being”, according to M. Foucault, determines the life perspective. The world of the school shooter is filled with resentment and disappointment experienced in relationships with parents or classmates, leading to social isolation, or feelings of inferiority. Such a teenager does not know how to build partnerships, defend his interests; there is no involvement of compensatory or hypercompensatory mechanisms at the level of healthy hobbies and interests. Chronic tension accumulates, which gradually increases and reaches its acuteness, when the next real or imagined psychotraumatic event becomes the last straw, after which the stage of planning and implementation of the criminal intent begins. In the scientific literature explaining the behavior of school shooters, this is reflected in

способа преодоления морально-нравственных границ, «большого Предела», что неминуемо ведёт к тупику, гибели личности, расчеловечиванию и физической смерти.

Вместо заключения

Экскурс в философию постмодерна неминуемо подводит нас к вопросу: что даёт нам проведённый анализ не только в плане понимания психологии школьных стрелков, но и предупреждения подобных преступлений? Очевидно, что выявления одних только этиологических причин и установления факторов риска для этого понимания явно недостаточно.

Ответ на этот мучительный вопрос неминуемо возвращает нас к одной из главных экзистенциальных проблем, связанных с бытием человека – месту насилия и убийства в жизни людей. К сожалению, современное общество формирует амбивалентное отношение к насилию, с одной стороны, осуждая, с другой – всячески пропагандируя его в масс-медиа. Фактически масс-медиа являются главными проводниками допустимости убийства в человеческое сознание. Люди страдают от дефицита хороших новостей, что создаёт атмосферу безысходности, потери надежды, бессмысленности существования. А из средств противодействия предлагается только один, на наш взгляд, достаточно слабый инструмент – толерантность, содержание и смысл которой всё больше размывается, наряду с другими декларируемыми либеральными ценностями. Но, чтобы этот инструмент по-настоящему сработал, должна быть подготовлена соответствующая почва, которой у людей эпохи позднего постмодерна, проживаемой нами сейчас, фактически нет.

Мы полагаем, что поиск ответа может идти в том направлении, который ранее был нами обозначен как Предел, деструктивный выход за который приводит к самым страшным и необратимым последствиям. Предел – это не обязательно Бог в имманентном или трансцендентном его представлении, или в обыденном выражении – Закон, трансгрессируя через который человек обретает мнимую свободу, но перестает быть Человеком. Это мощное ценностно-смысловое образование из категории убеждений, которое, говоря языком нейролингвистического программирования, должно располагаться на самом высоком логическом уровне. Очень важным здесь является формирование барьеров к этому Пределу, что является архисложной педагогической, воспитательной и идеологической задачей. Её платформой должна стать Любовь к Жизни во всех её проявлениях. Фактически, такая биофилософская за-

the theory of the cumulative effect [37].

There is a choice in the direction of a destructive way of overcoming moral boundaries, the “big Limit”, which inevitably leads to a dead end, death of the individual, dehumanization and physical death.

Instead of a conclusion

An excursion into the philosophy of postmodernity inevitably brings us to the question: what gives us the conducted analysis not only in terms of understanding the psychology of school shooters, but also the prevention of such crimes? It is obvious that the identification of etiological causes alone and the establishment of risk factors for this understanding is clearly not enough.

The answer to this agonizing question inevitably brings us back to one of the main existential problems associated with human existence – the place of violence and murder in people's lives. Unfortunately, modern society forms an ambivalent attitude towards violence, on the one hand, condemning, on the other hand, promoting it in every possible way in the mass media. In fact, the mass media are the main conductors of the permissibility of murder in human consciousness. People suffer from a lack of good news, which creates an atmosphere of hopelessness, loss of hope, meaninglessness of existence. And from the means of counteraction, only one, in our opinion, rather weak tool is offered - tolerance, the content and meaning of which is increasingly blurred, along with other declared liberal values. But for this tool to really work, the appropriate ground must be prepared, which the people of the late postmodern era, which we live now, actually do not have.

We believe that the search for an answer can go in the direction that we previously designated as the Limit, a destructive exit beyond which leads to the most terrible and irreversible consequences. The Limit is not necessarily God in his immanent or transcendental representation, or in everyday expression – the Law, transgressing through which a person gains an imaginary freedom, but ceases to be a Human. This is a powerful value-semantic formation from the category of beliefs, which, in the language of neurolinguistic programming, should be located at the highest logical level. Very important here is the formation of barriers to this Limit, which is an extremely difficult pedagogical, educational and ideo-

кладка должна осуществляться семьёй и обществом с самого момента рождения. Вероятно, достижение такой цели может показаться утопией, но другого пути у человечества, кажется, нет.

logical task. Its platform should be Love for Life in all its manifestations. In fact, such a biophilic laying should be carried out by the family and society from the very moment of birth. Probably, the achievement of such a goal may seem like a utopia, but there seems to be no other way for humanity.

Литература / References:

1. Кинг С. Ярость. М.: АСТ, 1998. 592 с. [King S. Rage. Moscow: AST, 1998. 592 p.] (In Russ)
2. Воронцова Н. «Ярость» Стивена Кинга. История о том, как произведение сломало судьбы многих. Электронный ресурс. URL: <https://litclubbs.ru/posts/3492-jarost-stivena-kinga-istorija-o-tom-kak-proizvedenie-slomalo-sudby-mnogih.html> / Date Views 03.12.2021 [Vorontsova N. "Rage" by Stephen King. The story of how the work broke the fate of many. Electronic resource. URL: <https://litclubbs.ru/posts/3492-jarost-stivena-kinga-istorija-o-tom-kak-proizvedenie-slomalo-sudby-mnogih.html> / Date Views 03.12.2021] (In Russ)
3. Массовое убийство в школе «Колумбайн». Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн» / Date Views 24.11.2021 [Columbine School Massacre. Electronic resource. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Массовое_убийство_в_школе_«Колумбайн» / Date Views 24.11.2021] (In Russ)
4. Нападения учащихся на школы. Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нападения_учащихся_на_школы / Дата доступа: 24.11.2021 [Student attacks on schools. Electronic resource. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Нападения_учащихся_на_школы / Date Views 24.11.2021] (In Russ)
5. School Shootings By Country 2021. Electronic resource. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/school-shootings-by-country> / Date Views 27.11.2021
6. Патрушев заявил о 70 тыс. вовлеченных в субкультуры «шутинга» подростков. Электронный ресурс. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/9876717> / Дата доступа: 03.12.2021 [Patrushev announced about 70 thousand teenagers involved in subcultures of "shooting". Electronic resource. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/9876717> / Date Views 03.12.2021] (In Russ)
7. Давыдов Д.Г., Хломов К.Д. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика. *Национальный психологический журнал*. 2018; 4 (32): 62-76. [Davydov D.G., Khlomov K.D. Mass killings in educational institutions: mechanisms, causes, prevention. *National Psychological Journal*. 2018; 4 (32): 62-76.] DOI: 10.11621/npj.2018.0406 (In Russ)
8. Лангман П. Почему дети убивают: что происходит в голове у школьного стрелка. М.: Эксмо, 2022. 280 с. [Langman P. Why kids kill: inside the minds of school shooters. Moscow: Eksmo, 2022. 280 p.] (In Russ)
9. Подорога В.А. Трансгрессия и предел. Новейшая философская энциклопедия в 4 томах. Т. 4. Ред. совет: Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. и др. М.: Мысль, 2010: 91. [Podoroga V.A. Transgression and limit. The newest philosophical Encyclopedia in 4 volumes. Vol.4. Ed. council: Stepin V.S., Huseynov A.A., Semigin G.Yu., Ogurtsov A.P. and others. Moscow: Thought, 2010: 91.] (In Russ)
10. Громова Е.А. Трансгрессирующее общество: о метаморфозах социального порядка. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии*. 2015; 3 (29): 58-63. [Gromova E.A. Transgressive society: about the metamorphoses of the social order. *Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies*. 2015; 3 (29): 58-63.] (In Russ)
11. Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие. Автореферат диссертации ... канд. филос. наук. СПб., 2016: 24. [Kashtanova S.M. Transgression as a socio-philosophical concept. Abstract of the dissertation... cand. philosophical sciences. St. Petersburg, 2016: 24.] (In Russ)
12. Узлов Н.Д. Насилие на экране: как масс-медиа провоцируют подростков на скулшутинг. *Психотерапия*. 2021; 4: 7-11. [Uzlov N.D. Violence on the screen: how the mass media provoke teenagers to schoolshooting. *Psychotherapy*. 2021; 4: 7-11.] (In Russ)
13. Фуко М. О трансгрессии. Танатография эроса: Жорж Батай и французская мысль середины XX века. Сост. С.Л. Фокин. СПб.: Мифрил, 1994; 111-132. [Foucault M. About transgression. The Thanatography of Eros: Georges Bataille and French Thought of the mid-20th century. Comp. S.L. Fokin. St. Petersburg: Mithril, 1994; 111-132.] (In Russ)
14. Батай Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. М.: Ладомир, 2006. 742 с. [Batai J. The Cursed Part: Sacred Sociology. Moscow: Ladomir, 2006. 742 p.] (In Russ)
15. Батай Ж. Литература и зло. Сборник эссе. М.: Изд. Московского ун-та, 1994. 168 с. [Bataille J. Literature and evil. Collection of essays. Moscow: Publishing House of the Moscow University, 1994. 168 p.] (In Russ)
16. Харрис и Клиболд. Электронный ресурс. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Харрис_и_Клиболд / Дата доступа: 24.11.2021 [Harris and Klebold. Electronic resource. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Харрис_и_Клиболд / Date Views 24.11.2021] (In Russ)
17. Соколова К., Колесников Р. «Я стрелял по школьникам, целясь в голову»: допрос Ильназа Галявиева раскрыл все детали бойни в гимназии Электронный ресурс. URL: <https://karaulovlife.ru/news/ja-osoznal-sebja-bogom-opublikovano-video-pervogo-doprosa-strelka-iz-kazani/> / Date Views 27.11.2021 [Sokolova K., Kolesnikov R. "I shot at schoolchildren, aiming at the heads": the interrogation of Inaz Galayev revealed all the details of the massacre at the gymnasium. Electronic resource. URL: <https://karaulovlife.ru/news/ja-osoznal-sebja-bogom-opublikovano-video-pervogo-doprosa-strelka-iz-kazani/> / Date Views 27.11.2021] (In Russ)
18. Кетчпул Д. О чем думает убийца. Разумный замысел. Электронный ресурс. URL: <http://www.origins.org.ua/gazeta/pdf/7.pdf> / Дата доступа: 29.11.2021 [Ketchpool D. What the killer is thinking. A reasonable plan. Electronic resource. URL: <http://www.origins.org.ua/gazeta/pdf/7.pdf> / Date Views 29.11.2021] (In Russ)
19. Узлов Н.Д. «Манифесты» скулшутеров и их освещение в СМИ: жизненная философия убийц или грязные слова на заборе? Социальная безопасность и защита человека в условиях новой общественной реальности в период распространения COVID-19: сб. материалов XIII межрегион. науч.-практ. конф.; ПГНИУ. Пермь, 2021: 240-246. [Uzlov N.D. "Manifestos" of schoolshooters and their media coverage: the life philosophy of murderers or dirty words on the fence? Social security and human protection in the conditions of a new social reality during the spread of COVID-19: collection of materials of the XIII interregional scientific and Practical conference; Perm State National Research University. Perm, 2021: 240-246.] (In Russ)
20. Антонян Ю.М. Психология убийства. М.: «Юрист», 1997. 301 с. [Antonyan Yu.M. Psychology of murder. Moscow: "Jurist", 1997. 301 p.] (In Russ)
21. Фромм Э. Душа человека. Ее способность к добру и злу. В сб.: Душа человека. М.: Республика, 1992; 13-108. [Fromm E. The soul of man. Her capacity for good and evil. In the collection: The Soul of man. Moscow: Republic, 1992; 13-108.] (In Russ)
22. Соколова Е.Т., Чечельницкая Е.П. Психология нарциссизма. Учебно-методический коллектор. М.: Психология, 2001. 90 с. [Sokolova E. T., Chechelniczkaya E. P. Psychology of narcissism. Educational and methodical collector. Moscow: Psychology, 2001. 90 p.] (In Russ)
23. Byard R.W. Murder-Suicide: An Overview. *Forensic Pathology Reviews*. 2005; 3: 337-347.

24. Eliason S. Murder-Suicide: A Review of the Recent Literature. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 2009; 37 (3): 371-376.
25. Голенков А.В. Постгомицидные самоубийства у лиц пожилого возраста. *Девиятология*. 2021; 5 (1): 9-13. [Golenkov A.V. Posthomicidal suicide in the elderly people. *Deviant Behavior (Russia)*. *Deviant Behavior (Russia)*. 2021; 5 (1): 9-13.] DOI: 10.32878/devi.21-5-01(8)-9-13 (In Russ)
26. Голенков А.В. Подростковые постгомицидные самоубийства. *Суицидология*. 2020; 2 (39): 3-14. [Golenkov A.V. Adolescent post-homicide suicides. *Suicidology*. 2020; 11 (2): 3-14.] DOI: 10.32878/suiciderus.20-11-02(39)-3-14 (In Russ)
27. Marzuk P.M., Tardiff K., Hirsch C.S. The epidemiology of murder-suicide. *AMA*. 1992; 267 (23): 3179-3183.
28. Joiner T. The perversion of virtue: Understanding murder-suicide. New York, NY: Oxford University Press, 2014. 264 p.
29. Adhia A., DeCou C.R., Huppert T., Ayuagari R. Murder-suicides perpetrated by adolescents: findings from the national violent death reporting system. *Suicide Life Threat Behav*. 2020; 50 (2): 534-544. DOI: 10.1111/sltb.12607
30. Fast J. Ceremonial violence: a psychological explanation of school shootings. Woodstock, NY: Overlook Press, 2008. 336 p.
31. Malkki L. Political Elements in Post-Columbine School Shootings in Europe and North America. *Terrorism and Political Violence*. 2014; 26 (1): 185-210. DOI: 10.1080/09546553.2014.849933
32. Рикёр П. Модель текста: осмысленное действие как текст. *Социологическое обозрение*. 2008; 7 (1): 25-44. [Riker P. Text model: Meaningful action as text. *The Sociological Review*. 2008; 7 (1): 25-44.] (In Russ)
33. Lankford A. Mass Shooters in the USA, 1966-2010: Differences Between Attackers Who Live and Die. *Justice Quarterly*. 2015; 32 (2): 360-379. DOI: 10.1080/07418825.2013.806675
34. Узлов Н.Д., Семенова М.Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид. *Суицидология*. 2017; 8 (3): 40-52. [Uzlov N.D., Semenova M.N. Game, transgression and network suicide. *Suicidology*. 2017; 8 (3): 40-52.] (In Russ)
35. Каллен Д. Колумбайн. М.: Эксмо: АСТ, 2019. 608 с. [Cullen D. Columbine. М.: Эксмо: AST, 2019. 608 p.] (In Russ)
36. Фуко М. Другие пространства. В сб. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3; 191-204. [Foucault M. Other spaces. In Sat. Intellectuals and Power: Selected political articles, speeches and interviews. Moscow: Praxis, 2006. Part 3; 191- 204.] (In Russ)
37. Levin J., Madfis E. Mass Murder at School and Cumulative Strain: A Sequential Model. *American Behavioral Scientist*. 2009; 52 (9): 1227-1245. DOI:10.1177/0002764209332543

SCHOOL SHOOTING: MURDER AND POST-HOMICIDAL SUICIDE AS A TRANSGRESSIVE ACT

N.D. Uzlov¹, M.N. Semenova²

¹National Research Institute of Continuing Professional Education and Vocational Training, Moscow, Russia; knots51@mail.ru

²Perm National Research Polytechnic University – Berezniki branch, Perm, Russia

Abstract:

The article attempts to comprehend the phenomenon of schoolshooting — armed attacks by students on educational institutions through the phenomenon of transgression — one of the key concepts in the philosophy of postmodernism. It is shown that murder is transgressive in its essence and variety of its forms. Schoolshooting appears to be a destructive variant of a transgressive act (as interpreted by Georges Bataille) as an aggressive act of going beyond moral, legal and religious boundaries. The Limit construct (the sixth commandment of the Decalogue “Thou shalt not kill”) is analyzed as an interpretation of a special value-semantic formation. The behavior of shooters is viewed through the prism of malignant narcissism. As illustrations of its manifestation, a meaningful analysis is carried out of the statements of mass murderers, set forth by them in the so-called “manifestos” in the form of speculative false philosophical ideas of “equality with God” and “death of God”, as a justification for their criminal intentions. The post-homicidal suicides of school shooters are interpreted from the standpoint of postmodernist discourse about death. The symbolic and communicative nature of the act of committed violence and suicide, which requires reading as a text, is emphasized. It is pointed out the need to form appropriate internal barriers to the Limit, which do not allow the potential possibility of committing murders — as one of the main conditions for the prevention of such crimes.

Keywords: schoolshooting, murder, post-homicidal suicide, transgression, Limit, the Other, narcissism, prevention

Вклад авторов:

Н.Д. Узлов: разработка дизайна исследования, написание и редактирование текста статьи;

М.Н. Семенова: написание и редактирование текста статьи.

Authors' contributions:

N.D. Uzlov: development of the study design, article writing, article editing;

M.N. Semenova: article writing, article editing.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 31.10.2021. Принята к публикации / Accepted for publication: 12.12.2021.

Для цитирования: Узлов Н.Д., Семенова М.Н. Скулшутинг: убийство и постгомицидное самоубийство как трансгрессивный акт. *Суицидология*. 2021; 12 (4): 16-30. doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-04(45)-16-30

For citation: Uzlov N.D., Semenova M.N. School shooting: murder and post-homicidal suicide as a transgressive act. *Suicidology*. 2021; 12 (4): 16-30. doi.org/10.32878/suiciderus.20-12-04(45)-16-30 (In Russ / Engl)